

ФИЛОСОФИЯ

УДК 168

Кризис образования в цифровую эпоху*

С. И. Дудник, Б. В. Марков

Санкт-Петербургский государственный университет,
Российская Федерация, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9

Для цитирования: Дудник С. И., Марков Б. В. Кризис образования в цифровую эпоху // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36. Вып. 2. С. 214–226. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.201>

В статье рассматриваются трансформации образования в цифровую эпоху: во-первых, выявление причин кризисных явлений в системе образования; во-вторых, анализ онлайн-курсов как инструментов организации современных образовательных пространств; в-третьих, воздействие электронных образовательных технологий на субъектов образовательного процесса; в-четвертых, актуализация смысловых практик обучения, основанных на личностном взаимопонимании ученика и учителя. Выводы и результаты исследования состоят в следующем: 1) если слово воздействует на мышление благодаря значению, то аудиовизуальные медиа возбуждают желания, формируют «клиповое сознание»; 2) новые медиа, с одной стороны, открывают возможности развития визуальных и эмоциональных способностей учащихся, а с другой — блокируют живое межличностное общение; 3) для развития рефлексивного опыта новые образовательные программы должны быть дополнены герменевтическими и семиотическими техниками обучения, способствующими пониманию смысла, обеспечивающими живое межличностное общение; 4) повышение производительности образования путем внедрения цифровых технологий сопровождается усилением электронного контроля и управления; 5) необходимо создание такой педагогической атмосферы, в которой культивируются свобода и ответственность, доверие и дружба.

Ключевые слова: образ и слово, медиа образования, онлайн-курсы, либеральное образование, гуманизм, отчуждение, постгуманизм.

* Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ «Наука как социальный институт в проектах российской модернизации (петербургский опыт)», проект № 19- 011-00603.

Проблема

Процесс образования постоянно находится в поле внимания педагогики, психологии, философии, антропологии, социологии и других гуманитарных наук [1, с. 368]. Существует множество философских концепций, на основе которых разрабатываются модели образовательного процесса. Сегодня популярны феноменологический, герменевтический и антропологический проекты [2, с. 384]. Назрела необходимость обобщения полученных результатов и разработки эффективной мультидисциплинарной программы, которая могла бы реализовать хорошие перспективы и нейтрализовать негативные последствия реформирования образования на основе цифровых технологий. Следует представить панораму философских дискурсов на эту тему, проанализировать различные педагогические практики, подсоединить подчас альтернативные подходы к пониманию целей и задач образования.

Проблема образования трансдисциплинарная, для ее решения требуется не просто система имеющихся методов, нужен новый подход. Каждая из дисциплин — педагогика, психология, социология, информатика — ставит и решает отдельные проблемы. Все они должны лечь в основу сложной многоуровневой модели образовательного процесса, включающего разнообразные телесные и духовные, эмоциональные и рациональные, вербальные и визуальные, когнитивные и моральные практики. Диалог представителей разных дисциплин необходимо вести на универсальном языке, доступном для понимания общественности. В роли медиума коммуникации и должна выступить философия.

Качество образования в условиях цифровой экономики

Качество медицинского обслуживания и проблемы образования являются главными темами общественных дискуссий в современной России. К сожалению, эти дискуссии возникают не до, а после тех или иных реформ и поэтому не дают ожидаемого эффекта. Нормальное обсуждение позволяет каждому высказывать свое мнение, которое должно быть аргументировано. В свою очередь, любой может возразить, представить убедительную критику и выдвинуть собственную программу. В результате публичного обсуждения, в котором принимают участие представители общественности, экономисты, юристы, чиновники и, разумеется, работники реформируемой отрасли и пользователи товаров или услуг, принимается решение по принципу наименьшего зла, т. е. удовлетворяющее большинство граждан. У нас же все происходит наоборот: не только сам проект реформ, но и решение о его внедрении спускается сверху и, естественно, чаще всего вызывает критику населения. К сожалению, она тоже не является конструктивной и не способствует поиску правильного решения, учитывающего как потребности, так и возможности государства.

В этих дискуссиях философ должен участвовать в роли не судьи, а арбитра. Главная задача — разобраться в соотношении качественной и количественной (цифровой) составляющих в современных образовательных практиках. С одной стороны, революция в медиа открывает новые возможности образования широких масс людей. С другой стороны, онлайн-образование не приспособлено для переда-

чи не только фундаментального знания, но и практических навыков, необходимых в любой профессии. Лучшими, точнее, худшими примерами являются пилоты, водители, врачи, которых обучают на тренажерах, но которые теряются в реальных аварийных ситуациях.

Образование — это довольно дорогое мероприятие. С одной стороны, государство не может удовлетворять растущие потребности университетов, занимающихся разработкой высоких технологий, так как увеличение налогов вызывает недовольство народа. С другой — коммерциализация образования, открытие частных университетов ограничивает круг абитуриентов и увеличивает неравенство. Цифровые технологии обеспечивают повышение производительности образовательного процесса путем увеличения количества студентов и уменьшения количества преподавателей. Сокращение времени, затрачиваемого на образование, достигается введением двухуровневой системы, в которой бакалавриат продолжается четыре, а кое-где и три года [3, с. 26–37].

Призывая к инновациям, реформаторы часто забывают об их негативных последствиях. На первом этапе модернизации обычно падает качество образования, поэтому чрезвычайно важно принять меры для снижения потерь. Между тем у нас отсутствует системная стратегия образования, обеспечивающая единство и взаимосвязь бакалавриата и магистратуры. Получается, что даже магистр по уровню образования заведомо ниже бывших выпускников специалитета. Кажется разумным на уровне бакалавриата давать общеобязательные знания, а на уровне магистратуры формировать специальные, необходимые для той или иной профессии компетенции. В связи с этим наиболее перспективными являются прикладные, ориентированные на практику программы магистратуры, как в естественных, так и в гуманитарных науках. При переходе обучающихся на уровни магистратуры и аспирантуры должны быть верно измерены так называемые остаточные знания. В борьбе с субъективизмом реформаторы классической образовательной системы стремятся заменить устные экзамены письменными. К сожалению, письменные ответы, как и тестирование, не дают абитуриентам возможности проявить свои способности. Поэтому, кроме новых критериев оценки знаний и умений, необходимо оставить экзаменационную беседу или, в зависимости от избранной специальности, иную практическую проверку способностей абитуриента к ее освоению.

Главное возражение против цифровизации вызвано сомнениями в качестве образования. Проблему повышения эффективности и производительности учебных учреждений следует ставить и решать с учетом того, что образование является производством человеческого капитала, от уровня которого зависит уровень развития общества в целом. Экономия на образовании за счет уменьшения аудиторных часов и, соответственно, преподавателей приведет к снижению его качества. Поэтому менеджмент, основанный на цифровых технологиях, должен учитывать классические педагогические практики, которые формируют не только профессиональные, но и социальные качества специалистов. Используя новые возможности, следует помнить о традициях.

Достоинства классического образования, идея которого подверглась сомнению еще в эпоху индустриализации, лучше всего видятся как раз при сравнении с современными образовательными программами. Не отрицая необходимости подготовки специалистов, которые способны создавать и обслуживать новые тех-

нологии, нельзя согласиться с отказом от методов и приемов классической педагогики. Технократически ориентированным менеджерам они кажутся архаичными. Между тем даже те качества специалистов, которые перечислены в компетенциях, требуют сотрудничества преподавателя и студента. Необходимо формирование так называемого личностного знания, т. е. таких навыков и умений, которые передаются из «рук в руки», когда ученик на лекциях следит за мыслью учителя, в лаборатории, а не на экране компьютера или тренажера учится обращаться с техникой и экспериментировать. Отсутствие такого рода способностей ярче всего проявляется в аварийных ситуациях, когда молодой специалист, обученный на тренажерах, не способен взаимодействовать с техникой в «ручном режиме». Еще одна проблема состоит в том, что обучение водителей и диспетчеров на тренажерах не передает телесных навыков, необходимых для вождения. Кроме того, участники компьютерной симуляции, например врачи или военные, контактируют с виртуальными объектами как с неживой материей, а не как с живыми людьми [4, с. 310].

Классические университеты готовили специалистов, способных принимать ответственные решения, или, говоря высоким языком прошлой эпохи, интеллигентов с «государственным складом ума». Для этого недостаточно знаний, контролируемых тестами. Помимо способности думать и понимать, классическая педагогика была ориентирована на воспитание моральных, социальных и государственных добродетелей учеников. Если раньше университеты готовили социально ответственную элиту, то сегодня многие студенты приходят в университеты не для того, чтобы служить отечеству, а за дипломами.

Старая система проверки знаний была не только жесткой, но и во многом субъективной. Устный экзамен требовал предельного напряжения. Проверялась способность «держать удар», т. е. найти выход в нестандартной ситуации. Сегодня преподаватели «натаскивают» учащихся на тестах, пригодных для проверки знания фактов, но не могущих оценить способность к самостоятельному мышлению. Под давлением общего тренда на толерантность и защиту прав человека в педагогике сложились нейтральные, лишённые субъективности практики оценок. Не отрицая «партнерства», «сотрудничества» учителя и ученика, защиту прав студентов, все же не следует их абсолютизировать. При вынесении оценки мнение опытного преподавателя нельзя сбрасывать со счетов, наоборот, особенно в случае конфликта, обязательно его учитывать. На практике «гуманизация» и «объективность» оборачиваются тем, что студенты оказываются более защищенными, чем преподаватели.

По мнению гуманитариев, именно новые медиа и созданные с их помощью интерактивные образовательные программы являются главными причинами падения качества образования. Если школьники и студенты перестают читать книги и слушать авторские лекции, то крах образования неизбежен. Учебники превращаются в комиксы, а лекции — в презентации. Появилось слово «видиоты», означающее экранных учеников. Оглупляющее влияние видеокультуры усматривается в том, что зрелища скорее бестиализируют, чем гуманизируют детей. Не следует пугать страшилками, но, прежде чем приступать к практическим преобразованиям, как раз полезно пофилософствовать о том, какие образовательные технологии необходимо использовать для повышения профессиональных компетенций и какие — для формирования человеческих качеств.

Реформа образования назрела в связи с неспособностью национального государства нести значительную финансовую нагрузку. Раньше науки, и прежде всего гуманитарные, расценивались не как инструменты промышленной революции, а как средства воспитания национальной элиты, как символы политической мощи государства. Было отчетливое понимание роли истории, филологии, литературоведения и философии в формировании национальной идентичности и патриотизма. Сегодня ведущую роль в реформировании системы образования играют экономисты. Поскольку качественные требования во многом субъективны, постольку фактически качество образования измеряется количественными критериями. С точки зрения производительности труда университет отстает от конвейерного производства, где количество рабочих сокращается, а количество продукции растет. Выход видится в развитии онлайн-курсов, внедрение которых решает сразу несколько задач. Оно позволит, во-первых, уменьшить число преподавателей; во-вторых, облегчить нагрузку на студентов, в-третьих, сделать курсы более доступными, в-четвертых, обеспечить мобильность. Негативным следствием является усредненность. В количественные показатели входит уровень развития инфраструктуры и комфорта, которые вроде бы не имеют отношения к качеству преподавания, зато сильно увеличивают затраты. В соперничестве за рейтинг многие университеты, имеющие невысокий целевой капитал, вынуждены экономить на качестве образования.

Государство стремится сократить издержки на образование, сохранив при этом его качество и доступность. Новый менеджмент образования нацелен на повышение производительности. Но проблема в том, что студенты, ориентированные на получение диплома, не становятся мотором развития общества: по меньшей мере половина выпускников не работают по специальности. Преподаватели и студенты заинтересованы не в сокращении цифр приема и штатного состава, а в том, чтобы занятия были полезными, как в человеческом, так и в профессиональном плане. И, конечно, те и другие желают повышения стипендии, заработной платы и комфортабельности образовательных учреждений. Этот конфликт интересов нужно решать с учетом требований студентов и преподавателей, а также работодателей и чиновников, представляющих интересы государства. Можно ли все это совместить благодаря новым технологиям, появившимся в цифровую эпоху?

Знание становится товаром, а университеты превращаются в предприятия по оказанию образовательных услуг. Сегодня выигрывает тот, кто побеждает в борьбе за рейтинг, и это касается как отдельных преподавателей, так и университетов в целом. Не отрицая необходимости комфорта, спорта, здорового питания и пр., не следует в погоне за высоким рейтингом забывать о повышении квалификации преподавателей. Сокращение их количества по отношению к числу студентов тоже должно быть соразмерным. Экономия на этом не должна приводить к снижению качества образования. Экономисты рассматривают его как форму производства и указывают, что производительность труда растет во всех сферах, кроме образования. Какие же способы повышения производительности они видят и внедряют? Еще раньше, с изобретением радио и телевидения, предпринимались попытки организации открытого образования, но они были неэффективными из-за отсутствия обратной связи. Интерактивные онлайн-курсы решают эту задачу. Подготовленные ведущими специалистами, они могут восприниматься в любой точке

земного шара, где есть доступ в интернет. Таким способом возможно решение проблем доступности, мобильности, уравнивания, т. е. снятия различия между престижными и остальными университетами. На практике это приведет к тому, что востребованными окажутся некие «звезды» — профессора, которые за высокие гонорары будут давать разного рода «мастер-классы» в основном с экранов ТВ, а, так сказать, «рабочие лошадки», на которых держатся наука и образование, постепенно исчезнут.

Книжная культура и цифровая революция

Современная высокая культура переживает глобальный кризис, вызванный сменой медиумов. Это, во-первых, закат эпохи книги, вызванный новыми электронными и компьютерными технологиями, а во-вторых, кризис гуманизма вообще и классического образования в частности. Сегодня образование существенно отличается от классического, в основе которого лежали гуманитарные дисциплины, и прежде всего философия. Модернизация мыслится как дополнение или даже вытеснение традиционных «смысловых» практик обучения новыми интерактивными обучающими программами [5, с. 57]. Раньше главным субъектом был учитель. От его знаний и преподавательского таланта зависел результат. Но и ученик при этом не оставался объектом. Образование не сводилось к получению информации, оно способствовало преобразованию ученика. Экзистенциальная встреча с учителем радикально меняла его мировоззрение. Сегодня чтение лекций перестает быть основой обучения, утрачивается потребность в талантливых лекторах, формирующих профессию и жизненную позицию. Впервые об этом заговорил Ф. Ницше. В работе «О будущем наших образовательных учреждений» он призывал вернуть античную фигуру учителя-наставника, который улучшает человеческую породу, т. е. воспитывает людей, способных нести груз социальных обязательств. В наше время возрождением греческой «пайдеи» стала «забота о себе», реконструированная в работах М. Фуко и П. Адо.

Вслед за постиндустриальным возникает цифровое общество. Новые компьютерные технологии позволяют радикально модернизировать процесс образования, и эти возможности реализуются на наших глазах. Школьники и студенты все меньше читают книги и все больше получают информацию в интернете. На очереди сокращение лекционных часов. Уже очевидно, что эрудиция профессора уступает интернету. Сегодня информации так много, что держать ее в уме не может ни один человек, поэтому нет ученых-универсалов. Отсюда создание автоматических обработчиков, переводчиков, поисковых систем. Есть проект создания «теории всего», которая может быть построена с помощью такого рода машин.

Цифровизация — неизбежный, закономерный этап развития знания. Информации так много, что ее легче заново открыть, чем отыскать. Как утверждал А. Зиновьев, информация — это хлам. К сожалению, 90 % книг, хранящихся в библиотеках, не используется. Интернет тоже напоминает гигантскую свалку, в которой невозможно отыскать нечто действительно важное. Если на ученых советах как-то различают плохие и хорошие диссертации, то какими критериями руководствуется машина при подборе информации, непонятно. Кажется, у нее вообще нет различия важного и неважного и даже истинного и ложного.

Хороший библиограф поможет подобрать литературу по теме лучше, чем поисковая система, а хороший переводчик переведет иностранный текст лучше, чем машина. Цифровое общество представляется гуманитариям чем-то бездушным и формальным. Это вытеснение качества количеством, победа цифры над буквой. Это господство бюрократии и технократии. Если чтение и письмо интенсифицируют рефлексию, создавая переживание глубины смысла [6, с.181], то электронная презентация воспринимается как абсолютная истина [7, с.216]. Сегодня стала распространенной практика фотографирования презентационных слайдов на мобильный телефон. Электронные технологии вытесняют записывание лекций и конспектирование книг. По мнению С. В. Волковой, выключение техник тела из педагогического процесса снижает практическую эффективность полученных знаний [8, с. 149].

В ответ на это можно собрать аргументы против морализации и гуманизации. М. Хайдеггер возражал против проекта философской антропологии, предлагавшей расценивать события с человеческой точки зрения. Он доказывал, что тезис Протагора «Человек является мерой всех вещей» выражает волю к власти и ведет к забвению бытия. Балансируя между односторонними оценками, можно допустить, что общество — это сложное системное целое, которое не подчиняется человеческим чаяниям. Но поскольку история «питается человечиною», т. е. события зависят от целей и ценностных установок, постольку необходимо реконструировать маршруты соединения человека и техники.

Образование в эпоху трансгуманизма

Внедрение цифровых технологий, распространение новых средств коммуникации сопровождаются глубокими антропологическими и социальными преобразованиями. Недостатки этих технологий видятся в том, что они пригодны для передачи и обработки информации и не способствуют воспитанию душевных и духовных качеств, которые формировались в результате чтения классической литературы. На самом деле они влияют не только на мышление, но и на эмоциональные, волевые, ценностные акты сознания, и даже на психосоматические состояния. Как работают новые медиа, невозможно понять методами, которые сложились на основе книжной культуры. По мнению С. Жижика, электронные технологии не столько используются в повседневности для получения информации, сколько вводят в мир вытесненных желаний современного человека [9, с.123–124]. Видеотехнологии массовой культуры, нейролингвистическое программирование, разного рода лекарства, подавляющие одни и стимулирующие другие аффекты и способности, — все это новые форы управления людьми.

Еще одно направление, опирающееся на достижения нейронауки и когнитивистики, ищет возможность непосредственного управления мозговой деятельностью, которая детерминирует мышление и другие акты сознания. Возвращение к смысловым практикам понимания считается неоправданным. Однако сигнальная деятельность мозга не создает, а лишь запускает творческую работу сознания [10, с.92]. Точно также не следует абсолютизировать генные технологии, якобы позволяющие заново сконструировать человека. Даже если можно избавиться, например, от гена эгоизма (если он, конечно, существует), то и в этом случае только

традиционная педагогика способна воспитать моральное сознание. Конечно, если есть гены языка, интеллекта и других духовных актов, то можно ими манипулировать не в аудитории, а в лаборатории. Поэтому генная инженерия тоже небезопасна. Но в этом виноваты не новые технологии, которые позволяют избавиться от патологии, а пещерное мышление людей, использующих открытия науки для достижения власти.

Новые открытия когнитивных наук перевернули обычные представления о процессе получения и передачи знания. До тех пор, пока ученые обещают улучшить когнитивные способности людей, сомнений в полезности этих открытий не возникает. Однако генная инженерия, выдвигающая фантастический проект заново сконструировать человека, заставляет задуматься о его последствиях [11, с. 15]. Если носителем сознания станет электронный чип, программа, способная к самосохранению и самоизменению, т. е. наделенная модальностями организма, если удастся запрограммировать не только мышление, но и чувства, переживания, желания, а заодно устранить агрессивность, resentment и прочие негативные страсти, то жизнь новых существ будет напоминать райскую. Поскольку задача философии — предсказать характер будущей революции в образовании, постольку имеют место фантазии о том, каким оно может стать, если защита прав животных соединится с проектом выведения разумных животных. Раб был говорящий вещью, собственностью хозяина и не имел никаких прав. А если у животных появится душа, то ситуация изменится. Неудивительно, что эпатазирующее утверждение Ж. Батая, согласно которому животное заменит пролетариат и станет субъектом мирового духа, т. е. истории, в наше время подхвачено Д. Агамбенем и становится все более популярным [12, с. 200]. Очевидно, что в основе такого рода рассуждений лежат метафизические и даже теологические предпосылки, свидетельствующие о незавершенности процесса секуляризации.

Генетическое конструирование, создание искусственного интеллекта, означают вступление в постчеловеческую, постгуманистическую фазу развития человечества [13]. Это еще раз подтверждает мысль Маркса о том, что историю движут вперед не субъекты, а технологии. Человек — продукт не только природы, но и техники. С тех пор, как рука человека взяла камень, можно говорить о «выключении тела». Между телом и внешней средой появляются посредники. Прежде всего это жилище, оберегающее от непогоды и хищников, орудия труда и инструменты, которые приспособлены к природе и к которым приспосаблиется тело, наконец, знаки, которые означают вещи в человеческой перспективе. Все эти «посредники», или медиумы, не являются просто инструментами, усиливающими слабые, сравнительно с другими животными, человеческие органы. Они сами существенно определяют, формируют то, что называется человеческой природой. Новые цифровые технологии завершают эру человека, тезис о его смерти трансформировался в отказ от принципа человеческой исключительности [14].

Образование и отчуждение. Технологический капитализм

Сегодня в моде понятия «когнитивного», «культурного», «социального», «символического» и «человеческого» капитала [15, с. 157]. Но нельзя забывать, что интеллектуальный или, шире, символический капитал на самом деле не подчиняется

законам рынка: его производит один, а потребляют многие. Для классического капитализма характерны два протестных аффекта. Во-первых, возмущение тем, что человек лишен политического достоинства. Во-вторых, недовольство низкой оплатой труда и длительностью рабочего времени. В постмодерных обществах к этому добавился протест против коммуникативного унижения, состоящего в воздействии массмедиа.

Развитие технологий привело к увеличению количества товаров, стимулирующих избыточное потребление. Индивидуальность реализуется в спорте, туризме, в поиске опасных развлечений. Поскольку старые нормы отброшены, возникает множество эксцессов. Люди, общество движутся вперед, модернизируются. Отсюда названия «когнитивный», «культурный», «социальный», «символический» и даже «человеческий» капитал. Согласно неолиберальной теории, человек — это и есть капитал, под которым понимаются любые ресурсы, в том числе и человеческие компетенции. У Маркса же капитал — нечто иное, связанное с производством товаров, с использованием неоплаченного труда. В марксистской формационной модели капитализм понимается как определенная фаза развития общества, которая характеризуется через наемный труд, прибавочную стоимость и отчуждение. Капитализм — это общественный способ производства и частный характер потребления.

Описывая процесс возникновения и отчуждения, Маркс связал его с историей человечества, которую он реконструировал как развитие производства и обострения классовых противоречий. Высшей стадии они достигают при капитализме, когда вещи превращаются в товары, а логика рынка настолько овладевает людьми, что они мыслят деньгами. Этапы отчужденного труда Маркс описал в философско-экономических рукописях 1844 г. В традиционных обществах люди непосредственно обменивали свой труд на предметы, необходимые для выживания. Для обозначения отношений человека с природой на этом этапе используется понятие дара. Обмен сначала в натуральной, а потом и в денежной форме в корне меняет отношения людей. Возникает земельная собственность, а потом и промышленный капитал.

Различая производительный и непроизводительный труд, Маркс резко отделял капиталистическое производство от некапиталистического. Понятие капитализма получило у него экономическое, политическое и отчасти экзистенциальное определение, как отчуждение от родовой сущности человека. Он считал, что предприниматель, который не использует труд наемных рабочих, если и является капиталистом, то в отношении самого себя, и доказывал, что труд крестьян, ремесленников, ученых, представителей свободных профессий не является капиталистическим. Однако сегодня возникает сомнение в том, существуют ли «свободные» художники и предприниматели. Издательства, индустрия культуры, менеджеры от искусства — все они используют талант автора капиталистически. Задача интеллигенции — разработать и предложить обществу такие технологии воспитания и гуманизации людей, которые сделали бы ненужными способы манипуляции людьми, практикуемые в современном «управляемом обществе».

Какие же основания позволяют сомневаться в актуальности теории Маркса? Во-первых, уже не труд, а потребление становится мотором экономики, во-вторых, характер труда изменился, для многих он оказался на границе работы и развле-

чения. Например, можно зарабатывать лежа на диване. Интернет — это средство труда и способ отдыха, и трудно сказать, работает или развлекается человек, проводящий ночи у экрана. И всё же не стоит спешить с утверждением об окончании эпохи капитализма, который якобы плавно переходит к коммунизму. Наоборот, рынок освоил области, в которые раньше не проникал. Потребление и развлечение — сегодня чуть ли не главный его сегмент. Очевидно, что сидящие в социальных сетях люди заняты производством общества и по-прежнему сами себе куют золотые цепи. Отчуждение приобретает все более изощренные формы. Гуманитарии считают, что цифровизация превращает человека в нечеловеческий субъект. Наши дети лишены живой памяти о прошлом, они питаются той историей, которую создают журналисты. Даже социальные сети, где, казалось бы, каждый может сообщить то, что было на самом деле, и что он думает об этом, не являются носителями живой памяти об истории. Очевидцы, непосредственные участники событий рассказывают ужасные подробности, которые лучше не знать. На самом деле они не позволяют понять социальный смысл истории. Вместо осмысления того, почему нечто стало возможным, демонстрируют зверства, которые притупляют сострадание и делают жестокость чем-то обычным. Ленты новостей, где одна новость хуже другой, репортажи с места событий не сопровождаются ни комментариями, ни дискуссиями. Телешоу, имитирующие общественное обсуждение, на самом деле отвлекают от размышлений, так как превращаются в своеобразную борьбу на ринге. Кажется, это высшая степень того, что Маркс называл отчуждением.

Сегодня поляризация общества складывается по-другому, чем в XIX в. В обществах благоденствия мало кто чувствует себя обездоленным пролетарием, которому нечего терять. Интеллектуалов больше занимает вопрос о подлинном существовании, чем борьба с буржуазией. Антиподами становятся не капиталисты, а социальные и политические дизайнеры, программирующие людей, делающие их мышление, переживания и поведение такими, какие нужны обществу. Цифровые социальные технологии хотя и кажутся более гуманными, нежели прямое насилие и угнетение, однако далеко не безопасны. Современные методы воздействия на людей открывают неслыханные ранее возможности манипуляции массами — от нейролингвистического программирования до генетического конструирования. Переход к цифровой экономике ведет к тому, что человеческая деятельность осуществляется по заданному алгоритму.

По мнению Ж. Липовецки, современное общество удаляется от беззаботности постмодерна [16, с. 261]. Он отметил снижение занятости, рост безработицы, упадок образования. «Капитализм плоти», «технологический», «когнитивный», «культурный» капитализм — все это новые названия современных форм порабощения. Чрезмерное расширение понятия, как известно, приводит к инфляции. Если любая инновация — это всего лишь форма развития капитализма, то на каком фоне он обретает свои определенные черты? Поэтому вместо конструирования тотального капитализма нужно заняться аналитикой современности. Доверие и справедливость, как доказывал Ю. Хабермас, предполагают формирование свободной ответственности, которая контролирует работу институтов от экономических до политических [17, с. 344]. А. Папакостас показал, как проблемы, обычно относящиеся к ведомству морали, эффективно решаются благодаря социальной организации [18, с. 224]. Возможно, функциональные связи соединяют людей гораздо прочнее,

чем личностные отношения. Последние вообще не могут быть опорой крупных сверхчеловеческих государственных машин, на их основе складываются семейные организмы и небольшие моральные и духовные сообщества, основанные на дружбе и доверии. Думается, по их образцу и должна строиться педагогическая атмосфера, в которой формируются социальные качества молодежи.

Заключение

Обычно гуманитарии указывают на негативные последствия цифровизации образования. Этим и вызван всплеск интереса к практикам классического образования. Не исключая необходимости их сохранения, стоит посмотреть на дигитализацию позитивно и использовать цифровые и компьютерные технологии во благо человека. Очевидно, что они открывают возможности образования широких народных масс. Экранная культура не обязательно ведет к новому варварству, она дает широкий доступ к мировой культуре и таким образом способствует гуманизации, а не одичанию людей. Философы, заявлявшие о смерти человека, субъекта, истины и прочих знаковых понятий, сегодня уже непопулярны, так как в предлагаемых теориях обнаруживаются репрессивные понятия. Скорее всего, с машинами, как и с природой, нам следует жить в согласии. Цифровизация избавляет от нудного труда и оставляет больше места для творчества. Важно понять, что могут машины и компьютерные программы, а чего не могут, и на этой основе так реформировать систему образования, чтобы научить пользоваться цифровыми технологиями для решения человеческих задач.

Литература

1. Федоров, И. Б., Еркович, С. П. и Коршунов, С. В. (1998), *Высшее профессиональное образование: мировые тенденции (Социальный и философский аспекты)*, М.: Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана.
2. Шеманов, А. Ю. (ред.) (2010), *Антропология субъективности и мир современной коммуникации: сборник статей*, М.: Российский институт культурологии.
3. Бодуэн, У. Г. (2018), *Высшее образование в цифровую эпоху*, пер. с англ., М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, с. 26–37.
4. Rosenberger, R. (2013), Technologies of Education: Classrooms and Chat Rooms, Scalpels, and Screens, *Human Studies*, vol. 36 (2), pp. 307–313.
5. Конев, В. А. (1996), Культура и архитектура педагогического пространства, *Вопросы философии*, № 10, с. 46–57.
6. Peters, M. A. and Jandric, P. (2015), Philosophy of education in the age of digital reason, *Review of Contemporary Philosophy*, vol. 14., pp. 162–181.
7. Adams, C., Yin, Y., Madriz, L. F. V. and Mullen, C. S. (2014), A phenomenology of learning large: the tutorial sphere of xMOOC video lectures, *Distance Education*, vol. 35 (2), pp. 202–216.
8. Волкова, С. В. (2017), Феномен тела в сфере образования: когнитивно-феноменологический ракурс, *Вопросы образования*, № 4, с. 133–149.
9. Жижек, С. (1998), Киберпространство, или Невыносимая замкнутость бытия, *Искусство кино*, № 2, с. 123–124.
10. Смирнова, Н. М. и Демченко, Л. М. (2011), Творчество как процесс созидания смыслов, в *Творчество: эпистемологический анализ*, М.: ИФ РАН, с. 91–112.
11. Кожевникова, М. (2017), *Гибриды и химеры человека и животного: от мифологии к биотехнологии*, М.: ИФ РАН.
12. Тимофеева, О. (2017), *История животных*, М.: Новое литературное обозрение.
13. Wolfe, C. (2010), *What is Posthumanism*, Minneapolis: University of Minnesota Press.
14. Шеффер, Ж.-М. (2010), *Конец человеческой исключительности*, М.: Новое литературное обозрение.

15. Соколова, Н. Л. (2009), *Популярная культура Web 2.0: к картографии современного медиа-ландшафта*, Самара: Изд-во «Самарский университет».
16. Липовецкий, Ж. (2011), *Времена гипермодерна. Будущее философии: Профессиональный и институциональный аспекты*, СПб.: РХГА.
17. Хабермас, Ю. (2016), *Структурное изменение публичной сферы. Исследования относительно категории буржуазного общества*, М.: Весь мир.
18. Папакостас А. (2016), *Становление цивилизованной публичной сферы: недоверие, доверие и коррупция*, М.: ВЦИОМ.

Статья поступила в редакцию 16 апреля 2019 г.;
рекомендована в печать 19 марта 2020 г.

Контактная информация:

Дудник Сергей Иванович — д-р филос. наук, проф.: s.i.dudnik@spbu.ru
Марков Борис Васильевич — д-р филос. наук, проф.; b.markov@spbu.ru

Krise of quality education in the digital economy*

S. I. Dudnik, B. V. Markov

St. Petersburg State University,
7–9, Universitetskaya nab., St. Petersburg, 199034, Russian Federation

For citation: Dudnik S. I., Markov B. V. Krise of quality education in the digital economy. *Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies*, 2020, vol. 36, issue 2, pp. 214–226. <https://doi.org/10.21638/spbu17.2020.201> (In Russian)

Today in the market of educational services, the winner is the one who wins in the fight for ratings. The question of cost and performance must be discussed in a broader context, namely to take into account that education is an essential part of social capital, which ensures success in international competition. Therefore, the savings on education in the long run leads to delays and loss of influence. Management, based on the digital divide is not a panacea. The article sets the task of analyzing the transformation of education in the digital age: 1) The identification of the causes of the crisis in the education system; secondly, the analysis of online courses as tools of modern educational spaces; 2) The impact of electronic educational technologies on the actors of the educational process; fourthly, the updating of teaching practices of meaning, based on understanding the individual learner and teacher; 3) For the development of the reflective experience of new educational programs they must be supplemented with hermeneutic and semiotic teaching techniques that contribute to understanding the meaning and provide live interpersonal communication; 4) Enhancement of the productivity of education through the introduction of digital technologies is accompanied by the strengthening of electronic control and management; 5) It is necessary to create a pedagogical atmosphere in which freedom, responsibility, trust, and friendship is cultivated.

Keywords: word and image, media education, online courses, liberal education, posthumanism.

References

1. Fedorov, I. B., Jerković S. P., Korshunov S. V. (1998), *Higher vocational education: world trends (social and philosophical aspects)*, Moscow: MGTU im. Baumana Publ. (In Russian)

* The reported study was funded by RFBR (Russian Foundation for Basic Research) according to the research project “Science as a social institution in Russian modernization projects (St. Petersburg experience)” No 19-011-00603.

2. Shemanov, A. J. (ed.) (2010), *Anthropology of subjectivity and the world of modern communications: a collection of articles*, Moscow: Rossiiskii institut kul'turologii Publ. (In Russian)
3. Bowen, William G. (2018), *Hinger Education in the Digital Era*, Moscow: Izdatel'skii Dom Vyshei shkoly ekonomiki Publ. (In Russian).
4. Rosenberger, R. (2013), Technologies of Education: Classrooms and Chat Rooms, Scalpels, and Screens, *Human Studies*, vol. 36 (2), pp. 307–313.
5. Konev, V. A. (1996), Culture and architecture of the pedagogical space, *Voprosy filosofii*, no. 10, pp. 46–57. (In Russian).
6. Peters, M. A. and Jandric, P. (2015), Philosophy of education in the age of digital reason, *Review of Contemporary Philosophy*, vol. 14, pp. 162–181.
7. Adams, C., Yin, Y., Madriz, L. F. V. and Mullen, C. S. (2014), A phenomenology of learning large: the tutorial sphere of MOOC video lectures, *Distance Education*, vol. 35 (2), pp. 202–216.
8. Volkova, S. V. (2017), Body Phenomenon in education: cognitive-phenomenological perspective, *Voprosy obrazovaniia*, no. 4, pp. 133–149. (In Russian)
9. Žižek, S. (1998), Cyberspace, or Unbearable Avoidant being, *Iskusstvo kino*, no. 2, pp. 123–124. (In Russian)
10. Smirnova, N. and Demchenko, L. M. (2011), Creativity as a process of creation of meanings, in *Creativity: epistemological analysis*, Moscow: IF RAS Publ, pp. 91–112 (In Russian)
11. Kozhevnikova, M. (2017), *Hybrids and human-animal chimeras, from mythology to biotechnology*, Moscow: IF RAN Publ. (In Russian)
12. Timofeeva, O. (2017), *History of animals*, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russian)
13. Wolfe, C. (2010), *What is Posthumanism*, Minneapolis: University of Minnesota Press.
14. Schaeffer, J.-M. (2010), *La fin de l'exception humaine*, Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie Publ. (In Russian)
15. Sokolova, N. L. (2009), *Popular Culture of Web 2.0: the cartography of modern media*, Samara: Samara University Publ. (In Russian)
16. Lipovecki, J. (2011), *Gipermoderna Times. The future of philosophy: Professional and institutional aspects*, St. Petersburg: RHGA Publ. (In Russian)
17. Habermas, J. (2016), *Structural change in public life*, Moscow: Ves' mir Publ. (In Russian).
18. Papakostas, A. (2016), *Formation of civilized public sphere: mistrust, trust and corruption*, Moscow: VTsIOM Publ. (In Russian)

Received: April 16, 2019
 Accepted: March 19, 2020

Authors' information:

Sergei I. Dudnik — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; s.dudnik@spbu.ru
Boris V. Markov — Dr. Sci. in Philosophy, Professor; b.markov@spbu.ru